

— Эдуард, с чего начнем? Как там у вас, большевиков, принято: "Интернационал" будем петь или "Буревестник" — почитаем? Помните слова: "Глупый пингвин робко прячет..."

— Таких упертых товарищей, которые считают, что борьбу за справедливость нужно начинать с пения "Интернационала", мы на своем жаргоне называем "овощами". Они неподвижные, вросшие в землю, неумные — "овощи", одним словом.

— Ну а вы как-то пересмотрели свои взгляды на жизнь после тюремного заключения, или по-прежнему — русские не сдаются?!

— Я стал жестче, ожесточился, и упорствую в своих взглядах, и ни на миллиметр от них не отошел. Более того, думаю, что в тюрьме я приобрел определенную мудрость, еще большую стойкость. Тюрьма — отличное место для размышлений, для страданий. Она мощнее монастыря. Это такой экстремальный монастырь. Лагерь тоже ужасное место, еще более чудовищное. Зато там есть время, чтобы соотнести себя с вечностью, с космосом, с человеческим миром. Я убедился, что я шел правильной дорогой, и впредь буду идти этой же дорогой. Собственно, выбора никакого и нет.

— Вы считаете тюрьму полезным опытом и всем его рекомендуете?

— Тут я бы хотел говорить серьезно, поскольку у нашей партии много людей сидят в тюрьмах.

— Вот ваших ребят посадили на пять лет за захват приемной министра Зубарова. Вам их не жалко, ведь вы их вдохновитель?

— ... (Точки обозначают разные матерные выражения.) Что вы меня все спрашиваете?... Давайте я буду спрашивать — а вы отвечать... Все равно вы все переверете, что бы я вам ни сказал...

— Спокойно, Эдуард, — вот вы обратили внимание, что силовые органы стали "мягко" работать с вашей партией? Просто арестовывают всех подряд, даже не бьют. Документы изымают, потом суд и тюрьма...

— Вы изумляете меня, ей-богу. У нас страна палаческая, это надо открыто говорить. Бьют везде. Бьют в отделениях милиции, бьют в тюрьмах, в лагерях и на улицах. Это все наша действительность. И тот, кто не отдает себе в этом отчета, — это просто банальный глупец и "овощ".

— Как вас били?

— У меня было особое положение, если вы говорите о тюрьме. Но в 96-м году на меня напали очень серьезно. Меня ударили сзади, чудовищно били ногами. У меня от этого осталась навсегда травма обоих глазных яблок. Это как бы когда на зеркале амальгама процарапана с обратной стороны, такие черные пятна. Каждое утро я это вспоминаю, восемь лет прошло. Может быть, я и не выжил бы. Но тут шли какие-то прохожие. С тех пор я уже один не хожу, видите, сегодня пришел с двумя здоровыми ребятами. Еще в 96-м году нашу штаб-квартиру просто взорвали. Об этом мало писали, мало говорили, но с нами это происходило всегда.

И когда нас иногда упрекают: мол, ваши методы, видите ли, несерьезны — я говорю: если они будут серьезными, то у нас полпартии просто съедет, а половину перебьют в темных углах. То есть надо отдавать отчет, где мы живем.

— Давайте немного отойдем от политики. Сколько вам лет?

— 61 с половиной.

— А не скажешь. Сына вырастили, дом построили, дерево посадили?

— Сына не вырастил. Написал 37 книг. Я считаю, что это даже лучше, чем сына вырастить. Партию вырастил, в которой 15 тысяч сыновей и дочерей, так что, слава Богу, если уйду, то меня будет кому провожать, наследников оставлю. Зубы дракона посеяны, т.е. ребят, которые ненавидят эту систему, уже не выведешь никакой кислотой. Я этим очень горжусь. Я не какой-то задрипаный писатель. Представьте себе, как бы я выглядел в противном случае. Мне было бы очень невесело, какие-то надвигающиеся 70 лет или что-то еще в этом роде. А я этого не испытываю, я хожу с веселой, злой улыбкой.

— И все-таки, какие лучшие годы вашей жизни?

— Сейчас. Когда я был молодым еще писателем, то в Париже одна тамошняя знаменитость сказал мне, что 50 — это были лучшие годы его жизни, потому что он "еще все мог и уже все понимал". И у меня мои 50-е годы тоже были великопечными. А тюрьма мне дала не то что второе дыхание

Последние десять лет жизни в России для Эдуарда Лимонова — это упражнение в мазохизме. Уж его и били, и в тюрьму сажали, но Эдуард упорно гнет свою линию. По окончании последней отсидки ему первым делом вручили заграничный паспорт. Но он опять никуда не уехал. ТВ обычно делает ему плохую "картинку": постаревший модный писатель в окружении экзальтированных юнцов. Все вместе они называют себя национал-большевиками. Странное название, учитывая, что Лимонов, оказывается, всего-то и хочет, как он сам говорит, чтобы наша страна была лучше приспособлена для полноценной жизни?!

Я не какой-то задрипаный писатель

— Большевику грех любить деньги?

— Я считаю, что деньги — это материал для жизни. Это так же, как бензин для мотора и прочее. Я на самом деле презираю деньги с ранних младых ногтей. Никогда не копил, упаси бог. Не было их у меня в жизни, и я прекрасно обходилась.

— На что вы сейчас живете, Эдуард?

— С 80-го года я живу исключительно на литературу. Это не гигантские деньги, но я себе твердо поставил цель: жить исключительно на литературу. Хотя у меня бывали тяжелые периоды. Скажем, за вторую книгу мне заплатили меньше, и я жил очень плохо, буквально подбирал овощи возле магазинов. Делал из них салаты. По-французски сгнившие овощи — это совсем неплохо, на самом деле. Тогда же я купил китайскую пилу и рыскал по Парижу в поисках дров. Отпилишь кусок бревна где-нибудь и несешь домой. Квартирная хозяйка не разрешала жечь камин. Но я все равно его топил. Студия была очень бедная и такая длинная, как трамвай, — два окна, а свет где-то в конце комнаты терялся, света почти не было. Вот такое я пережил беденечко.

— Зачем вы перессорились со всеми? Может быть, лучше бороться не с людьми, а с явлениями?

— Хорошо, конечно бы, жить и не бороться! Но на самом деле ведь мы живем в чудовищно неустроенном государстве. Это знают все. Только одни называют одни причины, почему это так, другие — другие. По-моему, мы живем на каком-то неуютном, задрипанном вокзале, оплеванном, поганом, где тут же дерутся, бьют друг друга, рядом что-то взрывают, такая дрянь! Человеческая жизнь не должна быть такой. Государство, получая от граждан налоги, не должно отбивать им печень и одновременно не обеспечивать

мой внук тоже купит, и у нас будет три шкафа. Это убого. Из этой же серии, кстати, другая мечта — удвоение ВВП. Это же коммунистический бред, хватит нам этих светлых будущих! Люди должны жить сегодня разнообразной жизнью, не обязательно супер какой-то счастливой. Должна быть устроенная страна.

— Зачем же вы выбрали для жизни Россию?

— В России жить невозможно и жить здесь плохо. А я приехал и живу. Никто меня за это не благодарил. Не надо меня благодарить, это мой выбор. От каких-то более спокойных стран я ушел к своей. Особой гордости за это у меня нет, но я просто считаю это естественным, нормальным поступком.

— Жили бы вы во Франции, против чего бы протестовали?

— А во Франции мне было бы неинтересно. Я бы достиг там какой-то определенной известности. Стал бы наверняка писать по-французски. И уж в газетах писал там свои статьи по-французски. Стал бы и книги писать. Был бы членом академии, наверняка я бы этого добился, я человек энергичный. Но это так неинтересно. Художник, когда достигает какой-то высоты духа, хочет принадлежать чему-то большему, чем его собственная жизнь, перелезть через эти границы.

— Ну, в общем, вы как раз такая масштабная личность...

— Я бы на вашем месте меня не подначивал. Я крайне серьезный, трагический человек.

— Да уж, действительно, из того, что я про вас читала, сложилось впечатление, что вы довольно мрачный тип и все у вас как-то не весело.

— И вовсе не мрачный. Напротив, я все всегда делаю с улыбкой.

— Анекдот вы можете рассказать? Или они у вас только политические?

— Нет, я анекдоты не помню. Я люблю слушать, а сам не помню. Мышление у меня не анекдотное.

ВОЖДИ

— Хорошо, давайте о том, что вам ближе. В нашей стране слагаются уникальные, беспримерные блатные песни о зоне. Как вам в заключении показалась российская тюремная культура? Есть ли в ней все-таки что-то достойное внимания?

— Я думаю, что это органичная и живая вещь. Она есть, она всегда была. И уже никто не помнит — я, во всяком случае, не знаю, — кто написал "Славное море, священный Байкал". Я с детства был окружен блатными песнями, поскольку жил в рабочем поселке. Это было огромное предместье Харькова, вблизи заводов. У нас был там завод "Серп и молот", где я впоследствии работал. Потом турбинный завод, дальше был огромный тракторный завод, 100 тысяч рабочих. И там ведь как жили: отцы выходили из тюрьмы, старшие братья садились, потом старшие братья выходили, младшие садились. Закономерно и я в то время должен был попасть в тюрьму, но не попал. Теперь тюрьма меня догнала через много лет. Как война догоняет людей, так меня тюрьма. Так вот, в нашем поселке все пели блатные песни. Они честные, прямые, они абсолютно о главном. О конкретном. Совершенно безумные по простоте и доходчивости тексты — "ровные пачки советских червончиков... с полу глядели на нас..." Представьте себе, в этом все.

— Но ведь жить-то в этом блатном мире ужасно...

— Ну как ужасно? Люди вытирают такую жизнь, и они достойны определенного уважения. Они преступают закон, но ничего священного в исполнении наших законов нет уже давным-давно. Это не те законы. Ну, конечно, убийцы — это ужасные люди: они покусились на человеческую жизнь. А в остальном... Я не уверен в честности власти и сегодняшнего государства. И еще миллионы людей не уверены. Все преступления развиваются на фоне этой бесчестности.

— А вы — к стати, о песнях, — на гитаре играете?

— Нет, мой отец играл. Он меня научил трем аккордам и сказал: играй, девушки будут любить. А я не сумел научиться, мне быстро надоело. Но с девушками все как-то и без гитары обошлось.

— Вы женаты?

— Я был долгое время женат. Официально я вдовец. Поскольку я с Натальей Медведевой не разводился, хотя не жил с ней многие годы. Я был в тюрьме, она умерла...

— Жалко вам?

— Нет, не жалко мне ее. Я думаю, она прожила ту жизнь, которую хотела. Всегда можно сказать: жила бы чуть дольше. Как говорят: жил бы дольше Пушкин. Ну и что? Может быть, мы увидели бы черт знает какого неинтересного человека, который пошел бы к царю камердинером, коврик подстилал под царские ноги. Все это противно, не надо. Когда говорят: вот Наташа жила бы, сочиняла бы. Да, у нее был мощный, яростный талант. Еще она всю жизнь боролась с мужчинами. Она написала неплохие книги, записала несколько страстных дисков. Но сила ее была пропавшая.

— С вами она боролась?

— Конечно. Я был ее основным сокровищем в жизни. С некоторой иронией я это говорю, но тем не менее. 13 лет мы прожили. Она ни с одним мужчиной так долго не существовала. Ей было 24 года, когда мы познакомились, я был на 15 лет старше. Она была певица ночного клуба, что вы хотите. Певица, которая уходила в десять, приходила на рассвете. И вот я с таким человеком жил, направлял ее, она со мной дралась. Выкусила мне кусок мяса на руке и прочее. Была яростная, сумасшедшая жизнь.

— Рана осталась?

— Да, шрам — видно, что куска мяса не хватает. Люди о таких страстях фильмы смотрят, а я так жил. Париж, девушка безумная, поющая в кабаре "Распутин", самом шикарном ночном ресторане. От этой жизни мне иногда хотелось выйти на улицу и орать!

— Сейчас у вас девушка на 30 лет младше вас, на суде все за вами ходила.

— Девушка эта меня дождалась. Но сейчас я живу один. Я решил попробовать так.

— Больше девушкам голову не морочить.

— Нет, не поэту. Я не хочу свои личные истории рассказывать. Ничего страшного не произошло. Основное, к ее чести можно сказать, она дождалась, когда я приду. Это редко бывает. Это отлично.

— Есть мнение, что политик из вас никудышный, но писатель вы замечательный. Что журналист вы так себе, а поэт прекрасный. Кто же вы, Эдуард?

— Я хочу вам сказать, когда я брался за что-то новое, мне всегда говорили: ты же писал пре-

красные стихи, зачем ты взялся за прозу? Когда я написал какое-то количество книг, меня вдруг потянуло в журналистику. Мне стали говорить: ну зачем ты пишешь в этих ужасных газетах, какая-то "Советская Россия" — "Савраска", это не твое. Потом вдруг оказалось, что я выражал там "нерв эпохи", и сейчас переиздаются книги с этими статьями. Теперь уже десять лет я занимаюсь партией и политикой. Я создал партию. Вы знаете еще радикальную непарламентскую партию, которая бы вот так в общенациональном масштабе была бы видна? Поэтому давайте не будем меня задвигать.

— И все же, мне кажется, лучше вам книжки писать!

— А я и пишу, выходит книга, которую я написал вне тюрьмы. Это, в общем, совершенно галлюцинаторная история, в основном базирующаяся на воспоминаниях о моем пребывании в лагере вблизи города Энгельса Саратовской области. Я там сидел на "красной" зоне, и цвели розы, но место это было убийственное, этаким еврогулаем. В столовой гремел "Рамштайн" на всю, и 800 человек одновременно заглатывали жуткую кашу, и бритые лбы...

— Сейчас выходит много обличительных автобиографических книг по новейшей истории — Тарасов, Коржаков, Кох, Трегубова. Читали?

— Я читал Трегубову, мне издатели дали почет. Интересно, но как-то все вскользь. Мне интересно все-таки подробности знать, как и всему населению. Как там с Путиным, как обед был, брал ли за руку... Тут я как и все другие абсолютно. У меня любопытство огромное. Открыл бы все глаза и смотрел.

— А вам, кстати, нравится, как президентствует Путин?

— Вообще, глава государства волей-неволей навязывает определенные стиль и ценности... Муссолини, например, был самым потрясающим мужчиной Италии. Как он одевался, носил совершенно безумные фески, костюмы, и на него вся страна в свое время ориентировалась. А вот Путин у нас заразил людей дзюдо. Путину бы доброты. Если он меня услышит, я бы ему сказал: Владимир Владимирович, надо к людям относиться добрее, вы слишком жесткий, расслабьтесь. Людям надо время от времени поглядывать, что-то сказать, что-то дать. Сейчас вот взяли с этими льготами, ерунду устроили. Ну не мелочитесь, дайте людям поблажку. Пусть они поживут, поедят бесплатно в трамваях. Правитель должен быть добрым. На Востоке это знают. Покажите людям добрым, они вас просто осыплют аплодисментами.

— Эдуард, вы действительно регулярно читаете классиков марксизма-ленинизма?

— Я читал в тюрьме Ленина, и в основном меня интересовали его письма периода с 1910-го по 1917-й. И я написал даже по этому поводу работу.

— Вам надо попросить политического убежища в Финляндии. Там ведь культ Ленина за то, что он дал финнам независимость.

— Я никуда не поеду. Все очень хотят, чтобы я куда-нибудь уехал, но я не уеду. Не удастся. Когда я вышел из лагеря, то мне первым делом почему-то отдали мой заграничный паспорт. Я страшно удивился, потому что даже гражданское удостоверение у меня еще не было. Я подумал и догадался, что мне просто намекали: уезжайте, товарищ, а обратно мы вас не пустим. Под каким-нибудь предлогом откроем второе уголовное дело. Или обнаружим новые преступления старого...

— Мне кажется, после заключения вы стали себя тихо вести — вас совсем не видно на ТВ.

— "Свободу слова" закрыли, вот и не видно. То меня Шустер приглашал.

— Из-за таких, как вы, наверное, и закрыли "Свободу слова"?

— Я недавно встретил Шустера у входа на телевидение, он был очень злобаченный, мрачный. Сказал мне: ну вот вы видите, что творится. Я ему ответил: ничего, мы все устроим. Он так на меня посмотрел вопросительно, а потом говорит: правда устроите? Я говорю: правда. Дело в том, что он у меня в камере был, он приехал в тюрьму в Саратов. Где я сидел, уже получив приговор, счастливый абсолютно со своими четырьмя годами. Нас тогда вдруг всех подняли с утра и стали нас мучить, чтобы мы выкладывали эти "лыжи", знаете, одеяла, это в армии и в тюрьме так выкладывают: простыни, одеяла, "лыжи". Бегают, бегают, мы уже думали, что там целый начальник ГУИНа приехал. Проклинали все на свете. Наконец вдруг заходит туча каких-то офицеров, и за ними идет маленький Шустер. А мы стоим, как олухи, руки озада. Удивительно.

— Спасибо, Эдуард, за откровенность. И не забывайте об ответственности за насильственное свержение власти.

— Статья 279. Мне предъявляли эту статью, потом заменили 280-й.

Элина НИКОЛАЕВА.